

**Ирина Лекарева, Светлана
Ордынская**

**Речевое поведение христианина в
современном секулярном
общении**

Studia Rossica Posnaniensia 29, 199-203

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНИНА В СОВРЕМЕННОМ СЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕНИИ

LANGUAGE BEHAVIOR OF A CHRISTIAN IN SACRED COMMUNICATION

ИРИНА ЛЕКАРЕВА, СВЕТЛАНА ОРДЫНСКАЯ

ABSTRACT. Forms of speech peculiar to a Christian can be clearly observed in intonation, thematic and lexical aspects, and the greatest difference lying in the sphere of word usage. Although speech behavior of each person implies stereotypes as well as spontaneity, a Christian is characterized by more conscious attitude towards the words s/he uses in speech, which is determined by Christian culture.

Ирина Лекарева, Светлана Ордынская, Кубанский государственный университет, Кафедра русского языка как иностранного, ул. Ставропольская, д. 149, Краснодар – Россия.

В истории русской культуры христианского периода противопоставление духовного и светского языков закономерно, поскольку церковнославянский язык был создан и функционировал исключительно как сакральный. Поэтому русскими книжниками до XVIII в. строго проводилось разграничение языковых средств по принципу типа „Богу – Богово, а кесарю – кесарево”. Однако так было не всегда. Петровская эпоха перемен в экономике, политике, идеологии, культуре смешала языковые ориентиры. Мощная лавина нововведений размыла существовавшие до того религиозно обусловленные барьеры и запреты в культуре, литературе и языке. Второй раз преемственность в русской культуре и языке была основательно подорвана событиями октября 1917 г. Именно к этому времени профанация христианских ценностей в русском обществе дошла до своего предела и завершилась нравственной и физической катастрофой. Маргинализация личности привела к убожеству и уродству языка. Русский язык на окраинах русской культуры (в бывших республиках СССР) формировался и был представлен в основном этим вивисекторным вариантом. Плоды такого „культурного контакта” мы пожинаем по сей день в виде негативного восприятия русского народа и языка, как его носителями, так и пользователями. Уцелело сравнительно немного носителей христианской культуры в России (и в среде русских эмигрантов) и до сих пор основная масса народа отделена от христианства невидимой стеной религиозного невежества и внутриязыковых различий.

Попытки возрождения христианской культуры русского народа с конца 1980-х гг. привели к легализации облика человека-христианина, и, таким образом, носители православной культуры получили возможность открыто представлять свое миропонимание в секулярной среде. Однако, как и в периоды гонений за веру, в современных условиях христиане в России не имеют возможности говорить с инакомыслящими на „своем” языке. Только теперь это вызвано иными причинами – желанием избежать непонимания, неадекватной реакции, мешающим установлению контакта. В одни и те же слова человек воцерковленный и человек секулярный вкладывают разное содержание. Причем первый владеет двумя языками (сакральным и светским), второй же – только светским языком.

Очевидным фактом следует признать вынужденную социально-культурную мимирию носителей христианской культуры и соответственно – сакрального языка.

Прежде чем рассмотреть особенности речевого поведения христианина в современном секулярном общении, необходимо в общих чертах охарактеризовать его исходную речевую установку.

Отношение к слову и речевое поведение паствы жестко регламентировано Священным Писанием и Уставом Церкви¹, множество известных цитат из которых можно свести к некоторым постулатам.

1. НЕ употреблять священных слов всуе, т. е. нечестиво.
2. НЕ клясться.
3. НЕ лгать.
4. НЕ лукавить, т. е. не грешить многословием (*да будут слова твои „да” или „нет”, а все остальное – от лукавого*).
5. НЕ сквернословить.
6. НЕ пустословить, т. е. сплетничать, не осуждать (*за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда [Мф. 12, 36–37]*).
7. Хвалить Господа, благословлять Его в молитвах.

Выполнение всех требований соответствует идеалу речевого поведения христианина. Тем не менее, общеизвестно, что и светский этикет и мирская мораль предполагают первые шесть пунктов обязательными для любого воспитанного человека. Однако в реальной жизни верующих (не говоря уже об атеистах) эти требования, так или иначе, не соблюдаются. Нарушения бывают вольными – как следствие мимирии, так и невольными – как следствие внутреннего несовершенства конкретного человека. Причем интересно, что в меньшей степени греховными признаются: *ложь* (которая градуируется и в зависимости от степени ситуации извиняется), *лукавство* и *многословие* (кото-

---

¹ К сожалению, в рамках доклада невозможно привести все эти прекрасные изречения, но мы считаем полезным издание их в виде отдельного сборника цитат, посвященных речевому поведению христианина.

рое иногда считается признаком учености), *сквернословие* (многими принимаемое за примету искренности, удалства „шарма“) и *празднословие* (которое считается признаком коммуникативности).

Итак, шесть из приведенных речевых императивов представлены запретами. Запретительный характер христианских речевых парадигм коррелирует с важнейшей аксиологической категорией многих религий – категорией безмолвия (например, общечеловеческое отношение к молчанию запечатлено в следующих характерных высказываниях: *Молчание уст – начало совершенства, То, что не высказал я, сильнее того, что я сказал, Слово – серебро, а молчание – золото*). Молчание не только предохраняет от согрешения словом, но и обусловлено осознанием тщетности попыток описания Божественного при помощи человеческого языка. Но практиковать безмолвие – удел монашествующих, а в мирском общении христиане могут следовать освященным речевым установкам лишь путем строго и *осознанного* отбора языковых средств. Поэтому в данном случае не подходит определение речевого поведения как „малоосознанной активности, проявляющейся в образах и стереотипах действий, усвоенных человеком на основе подражания чужим образцам и стереотипам или на основе личного опыта“ (О.М. Казарцева)². Речевое поведение христианина должно быть осознанным, во-первых, из-за ответственности перед Богом за каждое сказанное слово, а во-вторых, потому, что в секулярной среде действуют иные речевые образцы и стереотипы, что предполагает сопоставление их с христианскими и осуществление выбора средств общения.

Сопоставим некоторые элементы речевых парадигм носителей секулярной и христианской культур. Можно отметить расхождения на фонетико-интонационном, информационно-тематическом и на лексическом уровнях.

Интонация отличает верующего человека отсутствием большой амплитуды, эмоциональной сдержанностью, приближенностью ритмомелодического рисунка к каноническому чтению (пению). Выбор темы общения во многом мотивируется менталитетом; в светском коллективе христианин реализует свой выбор темы участием или неучастием в говорении.

И, наконец, самые значительные различия отмечаются в лексике, особенно на материале клишированных высказываний.

Во-первых, в секулярной среде распространены устойчивые выражения с экспрессивным упоминанием сакральных лиц и понятий – в основном это галлицизмы, бурным потоком хлынувшие в язык русского светского общества и литературы начала XIX в. По свидетельству В.В. Колесова, „после Пушкина уже мало кто стеснялся использовать галлицизмы в обиходной речи, и особенно на письме“³. В *Комментариях к „Евгению Онегину“* В.В. Набоков пишет, что „русские выражения вроде «Боже мой», «мой Бог!» и т. п., в светском

² См.: *Педагогическое речеведение. Словарь*, Москва 1997.

³ См.: В.В. Колесов, *Русская речь*, Санкт-Петербург 1998.

обиходе восходящие к французскому *mon Dieu* и пр., лишены выразительного оттенка богохульности, отличающего их английские эквиваленты. Таким образом, «Боже» – не обращение к Богу, но что-то наподобие «Вот это да!» или «Надо же» и т. д.»⁴.

Во-вторых, в речи верующих людей наблюдается регулярная замена слова *Бог* словом *Господь* при употреблении соответствующих вариантов фразеологизмов. Одно из возможных объяснений такой избирательности – реакция верующих на профанацию слова *Бог* в речи неверующих, в частности в восклицаниях указанного выше типа. (По этому поводу в середине XIX в. Я.К. Амфитеатров писал так: „Слова могут быть святы сами по себе, но употребление их нечестиво; следственно не употребляй слов святых для обозначения предметов несвятых, напр., – не называй человека божеством, как то делает светский язык... Слова весьма важные и священные по себе часто искажает речь мирская и язык моды”⁵).

Если в речи носителей светской культуры употребляются *спасибо* (из *спаси, Бог*), *не дай Бог, слава Богу*, то в речи православных встречаются только *Спаси, Господи; не дай, Господи, слава Господу* и т. д. Не услышишь среди верующих экспрессивное восклицание с отрицательной оценочностью **Бог с ним!**, в котором лексема *Бог* стоит в позиции чередования с номинациями нечистой силы.

Лексическая избирательность в речи православных христиан отмечена и по отношению к названиям последней тематической группы. Так, например, лексема *черт* табуируется, признается в качестве заклинательного призывания нечистого духа. Поэтому верующими используется ряд других слов для обозначения врага рода человеческого. И напротив, в речи носителей светской культуры, данная лексема и производные от нее широко используются даже для выражения одобрения, восхищения и т. п. (см. у Н. Гоголя: „*Черт возьми, степи, как вы хороши!*”). Конечно, последнее явление можно объяснить и влиянием французского языка, и отголосками язычества, использовавшего брань в магических целях.

Еще одна специфика использования лексем-обозначений инфернальных персонажей в речи верующих и атеистов состоит в том, что светский человек может применять названия, восходящие к языческой мифологии: *леший, домовый, водяной, кикимора, шут* и др. Православный не употребляет этих слов (к тому же лишенных отрицательных коннотаций), но говорит о *демонах, диаволе, враге, лукавом, злом* или *нечистом духе* и т. п., подчеркивая их враждебную человеку сущность.

Подводя итоги сказанному, отметим, что христианин, как правило, старается не выделяться среди невоцерковленных людей при светской беседе. Но

⁴ См.: В.В. Набоков, *Комментарий к „Евгению Онегину“ Александра Пушкина*, Москва 1999.

⁵ См.: В.М. Живов, *Язык и культура в России XVIII в.*, Москва 1996.

в то же время он характерно отличается своей речью и может быть узнан по особенностям фонетики, лексики и следованию христианским речевым императивам, несмотря на сознательное нивелирование своего духовного метаязыка и приспособление его к метаязыку носителей секулярной культуры.